

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ «ЗВЕЗДА» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.И.ДАЛЯ И М.Ю.ЛЕРМОНТОВА)

Н.П. Иванова

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматриваются экстралингвистические компоненты лингвокультуры «звезда», раскрывающиеся в произведениях В.И.Даля и М.Ю.Лермонтова, анализируется символическое значение данного пейзажного образа-символа.

Ключевые слова: лингвокультура, звезда, образ-символ

У статті розглядаються екстралінгвістичні компоненти лінгвокультури «зірка», що розкриваються у творах В.І.Даля і М.Ю.Лермонтова, аналізується символічне значення цього пейзажного образу.

Ключові слова: лінгвокультура, зірка, образ-символ.

The extralinguistic components of the “star” linguocultureme, as appearing in works by V. I. Dal and M. U. Lermontov, are researched; analyzed is the symbolic meaning of the landscape image under study.

Key words: Linguocultureme, star, image-symbol.

Лингвокультурология, занимающаяся исследованием проблемы взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры, рассматривает язык как хранителя “интеллектуально-духовных генов” народа. Более того, по мнению исследователей, “характер народа и особенности его языка взаимно влияют друг на друга, вытекая из такого малоисследованного явления, каковым является национальный менталитет”[1, с.27]. Результат такого взаимовлияния - языковая картина мира, которая позволяет получить представление не только о собственно языковой, но и о внеязыковой семантике слова, причем именно внеязыковая семантика отражает культуру народа. Далеко не все толковые словари дают внеязыковую, “культурную” картину словоупотребления. В этом смысле лингвокультурологи подчеркивают особую роль “Толкового словаря живого великорусского языка” В.И.Даля, дающего богатую культурологическую информацию. Каждая статья этого словаря позволяет воссоздать “частицу бытия” русского человека, получить представление о его образе жизни, привычках, убеждениях, проникнуть в тайны его мировоззрения и миропонимания.

Данное в словаре В.И.Даля языковое и внеязыковое значение того или иного предмета, явления или понятия действительно является отражением их понимания с позиций русской (возможно, славянской) ментальности. И доказательством этого может служить жизнь слова в художественном тексте, где оно “обрастает” надтекстовым значением, позволяющим судить о мировоззрении и миропонимании автора, его поколения и, возможно, целого народа. Проследим за этим на примере толкования одного из самых ярких пейзажных образов - образа звезд - и проанализируем как языковую, так и внеязыковую семантику этого образа в произведениях двух современников: В.И.Даля и М.Ю.Лермонтова.

В словаре В.И.Даля встречаем следующие толкования: 1) “звезда - одно из светящихся (самоцветных) небесных тел, видимых в безоблачную ночь (...звездочки показались)”; 2) “подобие небесной звезды, лучистое изображение, писанное или из чего сделанное”; 3) “счастье или удача, талант (звезда моя

закатилась, счастье погасло)” [2, Т.1, с.673]. Можно сказать, что толкования размещены по мере возрастания в них количества и значимости внеязыковых компонентов. Интересно, что в пословицах закреплено значение, содержащее наибольшее количество внеязыковой информации: 1) не считай звезды, а гляди в ноги: ничего не найдешь, так хоть не упадешь; 2) решетом в воде звезд ловить; 3) под счастливой звездой родился. В художественных текстах мы встречаем отражение всех трех значений этого понятия, трансформировавшегося в образ-символ. Вначале проанализируем символическое значение этого образа на примере лермонтовских произведений.

Даже употребление слова “звезда” в первом, собственно языковом, значении приобретает в произведениях М.Ю.Лермонтова большое количество внеязыковых оттенков, связанных с трактовкой этого образа русской культурной традицией. Звезды, как и небо, связаны для поэта с чем-то надмирным, прекрасным, совершенным. Сознание того, что он не принадлежит к этому миру совершенства, делает поэта несчастным. Но, в отличие от неба, звезды не пугают его своей неизведанностью: они слишком чисты и ясны. Стихотворение “Небо и звезды” свидетельствует о том, что внутреннее состояние поэта совсем иное, хотя приблизиться к миру чувств, который дарят звезды, очень хочется:

О! для чего мне нельзя и подумать:

Звезды, вы ясны, как счастье мое!

П.Н.Сакулин считает раннего Лермонтова “звездопоклонником”. И это справедливо: в стихотворениях разных лет Лермонтов пишет о звездах, причем каждое из этих стихотворений раскрывает новую грань значения данного образа. В стихотворении “Звезда” (1830 г.) этот образ связан с прекрасным, но, увы, недостижимым. О взоре любимой сказано:

Как та звезда,

Он был далек.

В этом же году написано стихотворение с таким же названием. В нем звезда символизирует мечту, освобождающую от мрачности, от всего тяжелого и темного, что окружает автора и находится в его душе:

Твой слабый луч, сражаясь с темнотой,

Несет мечты душе моей больной.

А быть может, не только мечту, но и надежду. В стихотворении “Еврейская мелодия” этого же года проведена параллель образа ночной звезды и “беспокойного призрака светлой радости”.

Такое отношение к звездам оправдано и традиционно. Еще в язычестве они почитались как “обитатели небесного свода и представители священной светоносной стихии” [3, I, с.131]. Кроме того, по словам А.Афанасьева, существуют предания, изображающие родственное отношение звезд к солнцу, а значит, их почти божественное происхождение. Поэтому, вероятно, закономерно то, что пишет о Лермонтове Н.Котляревский: “Толпы звезд и ночные своды казались ему залогом каких-то обещаний Божьих, хотя он и чувствовал, что ему не придется быть свидетелем их исполнения” [4, с. 41].

Для формирования эстетических взглядов Лермонтова образ звезд имел очень большое значение. Поэтому естественно, что в пейзажах романа “Герой нашего времени” роль этого “словесно-образного мотива” (термин А.И. Журавлевой) очень велика. Например, в картине “тихого утра” “Бэлы” описаны

звезды: “Хороводы звезд чудными узорами сплетались на далеком небосклоне и одна за другую гасли по мере того, как бледноватый отблеск востока разливался по темно-лиловому своду”. Немного дальше следуют слова : “Тихо было все на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы”. Описание хороводов звезд помогает создать некую ауру тишины и умиротворенности.

В “Тамани” звезды упоминаются только один раз: в тот момент, когда Печорин идет навстречу своему опасному приключению, поэтому представляется вполне закономерным упоминание звезд именно в этот момент и именно в таком контексте: “Месяц еще не вставал, и только две звездочки, как два спасительные маяка, сверкали на темно-синем свode”. Образ звезд приобретает в этом случае следующий внеязыковой компонент значения: спасение, освобождение от опасности, знак хорошего исхода событий. Доказательством того, что в эстетической системе Лермонтова звезды действительно были наделены этим значением, является описание храма, которое предшествует картине крестьянского бунта в повести “Вадим”: “... задняя часть храма была в глубокой темноте; одна лампада, как запоздалая звезда, не могла рассеять вокруг тяготеющие тени” [5, IV, с. 194].

В пейзажных зарисовках “Княжны Мери” описаний звезд не встречается. Но есть так называемый “мотив звезд”, служащий способом характеристики героев. Перед дуэлью Печорин говорит о Грушницком: “Что, если его счастье перетянет? Если моя звезда наконец мне изменит?..” То есть для Печорина звезда - символ счастья, а вот у Грушницкого звезды связаны с эполетами: ”О, эполеты, эполеты! Ваши звездочки, путеводительные звездочки... Нет! Я теперь совершенно счастлив”. Таким образом, актуализируется третье значение слова “звезда”, уже проиллюстрированное пословицами.

Наконец, в “Фаталисте” дана кульминация развития образа звезд. Здесь с ними связано целое рассуждение, лирическое отступление, за которым, безусловно, стоит гораздо больше, чем размышление о звездах. Вот его фрагмент: “...мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или какие-нибудь вымышленные права!” [5, IV, с.137] Звезды являются здесь символом вечности, неизменности, высоты, того, по сравнению с чем наши “споры за клочок земли” “ничтожны”, а права “вымышленные”.

Здесь появляется отголосок романтической идеи о никчемной суетности земного мира, которой противостоит нечто более высокое, имеющее неизменную ценность и смысл. Поэтому Печорину и “смешно” это верование древних, их уравнивание себя и неба. Но, с другой стороны, автор приведенных строк понимает, как много давала людям эта вера в то, что они не одни в нашем огромном мире. Печорин отрицает подобную веру, но ему нечего противопоставить ей, кроме собственного индивидуализма. Таким образом, философское отступление в новелле “Фаталист” раскрывает истоки печоринского индивидуализма, а тем самым и корни основной проблемы романа “Герой нашего времени”. А в 1831 году Лермонтов пишет стихотворение “Отрывок”, в котором сформулирована основа этой грани его мировоззрения, отразившейся потом в приведенном рассуждении о звездах. Данное стихотворение как нельзя лучше подтверждает сделанные выводы:

*На звезды устремлял я часто взор
И на луну, небес ночных убор,*

*Но чувствовал, что не для них родился,
Я небо не любил, хотя дивился
Пространству без начала и конца,
Завидуя судьбе его творца;
Но, потеряв отчизну и свободу,
Я вдруг нашел себя, в себе одном.[5, I, с. 105]*

И, наконец, у самого В.И.Даля в рассказе “Зюгря или происхождение зорницы” встречаем очень интересную грань внеязыкового наполнения образа звезд, которой нет в лермонтовских произведениях. Зорница, по Далю, - “утренняя, вечерняя звезда, планета Венера [2, Т.1, с. 673]. Рассказывая легенду о происхождении Венеры, писатель делает акцент на том, что “замечательно сближение ученого названия этой планеты с настоящим восточным преданием” [6, с.285]. По этому преданию, задолго до появления Адама на земле жили мехлюкаты, отродие, среднее между человеком и ангелом. Жили они отнюдь не праведно, что свидетельствует о том, что грех не моложе, а старше человека. Ангелы Гаруд и Маруд обратились к создателю с просьбой отпустить их на землю в образе мехлюкатов для наставления грешников на путь истинный. Всеведущий предупреждал их: “Если вы облечетесь в плоть, будете причастны к греху”. Но ангелы были уверены, что с ними этого не произойдет. Создатель отпустил их на землю, сказав: “Если во грехах своих вы уподобитесь мехлюкату, суд мой не пощадит вас”. Многих мехлюкатов наставили на путь истинный Гаруд с Марудом, пока однажды не пришла к Гаруду прекрасная грешница Зюгря. Она попросила его о правосудии, а он ее - о свидании. Не поверив, что ангел может просить об этом, грешница решила, что он лишь потешается над ней, и обратилась за правосудием к Маруду, но в ответ услышала ту же просьбу. Обоим она назначила свидание “завтра рано, до восхождения солнца, в прибрежной роще у ключа”. В это время в указанном месте встретились Гаруд с Марудом. Они все поняли и стали ждать кары Аллаха. И с первым заревом, показавшимся на востоке, предстал перед ними Аллах и рек: “Высокомерие ваше наказано, вы упали. Эта презренная в сравнении с вами - святая; не будь таких, как вы, не было бы таких, как она. Ваше место -тьма крошечная. Но вы согрешили на земле, на земле вам будет и мука”. И за словом указал перстом своим туда, где сверкает поныне благодатная возвестница зари утренней и вечерней - Зюгря, превратясь в светлый луч, мелькнула и явилась на небе утренней звездочкой. Гаруд и Маруд пали ниц, они не могли смотреть на эту звезду. По велению Аллаха, они закованы в горах Кавказа и каждый день падают ниц перед первой появившейся звездочкой”. Таким образом, утренняя звезда приобретает у Даля внеязыковое значение символа праведной жизни, свершившейся воли всевышнего, указания истинного пути. С лермонтовской трактовкой этого образа ее сближает божественное происхождение, недостижимость и “функция” освобождения мира людей от темных сил.

Итак, рассмотрев некоторые компоненты внеязыкового значения образа звезд, реализовавшиеся в произведениях М.Ю.Лермонтова и В.И.Даля, можно сделать вывод о том, что этот образ восходит в ранг лингвокультуры, которая “вбирает, аккумулирует в себе как собственно языковое представление, так и тесно связанную с ним ”внеязыковую, культурную среду” - устойчивую сеть ассоциаций. Углубление же в литературу раскрывает приемы эстетического

использования лингвокультураны, показ ее изобразительных возможностей в национальном видении мира” [1, с.48-51].

Литература:

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. – М., 1997. – 365 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1978. - Т.1.
3. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х томах. – М., 1865. - Т.1.
4. Котляревский Н.М. М.Ю.Лермонтов. Личность поэта и его произведения. – Спб., 1905.
5. Лермонтов М.Ю. Сочинения. В 4-х томах. – М., 1976. - Т. 1,4.
6. Даль В.И. Полное собрание сочинений. – Спб., М., 1897-1898. - Т.7. - С.285-290.
7. Журавлева А.И. Поэтическая проза Лермонтова // Русская речь. – М., 1974. - №5. - С. 21-28.
8. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 1993.
9. Сакулин П.Н. Земля и небо в поэзии М.Ю.Лермонтова // Венок М.Ю.Лермонтову. – М.;П., 1914. - С. 1-55.